

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 828 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

KARAKTERI PROBLEEME
VÄLISKIRJANDUSES
ПРОБЛЕМЫ ХАРАКТЕРА В
ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУРАХ

Töid romaani - germaani filoloogia alalt
Труды по романо - германской филологии

KIRJANDUSTEADUS
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

TARTU 1988

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ХАРАКТЕРА
В ЛИТЕРАТУРНОМ МИФЕ XIX в.
("Жизнь Наполеона" Стендаля)

Лариса Вольперт
Тартуский государственный университет

Проблема неомифологизма книги Стендаля "Жизнь Наполеона" ("Vie de Napoléon", 1818) не привлекала внимания исследователей. Между тем сам Стендаль, отнюдь не осмысливший свою книгу как вариант нового мифа, в предисловии к ней счел необходимым подчеркнуть ее генезис: "Это жизнеописание объемом в триста страниц *in octavo* есть произведение двухсот или трехсот авторов. Редактор лишь собрал те фразы, которые показались ему верными"¹. Вольно или невольно он выделил такие структурные черты нового мифа, как массовость, анонимность, переплетение достоверного с недостоверным.

В рабочем порядке понятие нового мифа о великом человеке можно было бы сформулировать следующим образом: тип сгущенной культурной памяти, переплетающий фактический и легендарный материал, принимающий нарративную форму (главное — образ, но сюжет и композиция также немаловажны), характеризующийся такими категориями, как массовость, анонимность, повторяемость, цикличность. Когда речь идет о крупном государственном и военном деятеле, миф неизбежно тенденциозен, он подсвечен политическими страстями.

Бонапарт — одна из самых мифогенных фигур нового времени. Предпосылки к созданию наполеоновского мифа в его двух основных формах — апологетической и антибонапартистской — возникают уже при первых победах молодого генерала. В дальнейшем каждая победа, каждый поворот его судьбы выступают как катализатором в оформлении мифа, легенды буквально клубятся вокруг Наполеона, экзальтация преклонения и ненависти цементирует миф. Однако пока конец судьбы не известен — миф "открыт", он не имеет завершенности и не может быть структурирован.

Смерть Наполеона в 1821 г., осеняющая его ореолом мученичества, определила качественно новый этап в развитии мифа и придала ему завершенность. После появления "Мемориала со Св.

Елены" Ласказа (1823) почти одновременно выходит в свет ряд объемных биографий Наполеона, выполненных в апологетическом ключе (Бурьенна, Норвена, Жомини и др.). С них историография XIX в. отсчитывает оформление наполеоновского мифа, вкладывая в это понятие, кроме всего прочего, представление о "ненаучности", "недоверности" и "необъективности". Однако, как нам представляется, наполеоновский миф оформился несколько раньше, а именно в книге "Жизнь Наполеона" Стендаля. Но так как эта книга не была завершена и увидела свет лишь в 1929 г., ее XIX век не мог учитывать.

Одновременно с историческим мифом о Наполеоне создается его литературный аналог. Творчески переплавляя расхожие представления и идеи, внося всякий раз что-то неповторимое, "свое"; крупнейшие писатели Европы и России (Байрон, Гете, Гейне, Манзони, Беранже, Гюго, Пушкин, Лермонтов и др.) создают свой вариант наполеоновского мифа. При этом поэзия часто как бы сливается с массовым мифом и становится почти анонимной ("Два гренадера" Гейне, "Старый капрал" Беранже и др.).

Сложная по жанровой структуре книга Стендаля "Жизнь Наполеона" объединяет черты исторического и художественного повествования. Хотя Стендаль и предупреждает в предисловии, что он "отобрал свои фразы" у трехсот авторов, "Жизнь Наполеона" обладает несомненным идейным и художественным единством. И хотя Стендаль кончал книгу за три года до смерти Бонапарта, в ней уже была определенная завершенность (вспомним, что ложное известие о смерти Наполеона распространялось в конце десятых годов XIX в. неоднократно). Вызванная к жизни необходимостью защитить Наполеона от нападков, она была задумана как ответный удар пасквилянтам в эпоху правления "ультра" и кульминации антибонапартистских настроений. "Черной легенде" о Наполеоне Стендаль стремится противопоставить объективное жизнеописание, которое на поверку оказывается одним из вариантов апологетического мифа. В книге соседствуют строгий факт и вымысел, объективность и тенденциозность, проницательный анализ недостатков военно-бюрократической машины с малодостоверными сведениями. И над всем царит и властвует романтически приподнятый образ Наполеона.

Бонапарт для Стендаля отнюдь не абстрактная фигура, а вполне конкретная и живая. Участник многих походов (сублейтенант, драгунский офицер, крупный военный чиновник), работавший нередко в одном кабинете с Наполеоном, имевший с ним несколько бесед (одна из них во время парада в Москве), Стен-

даль в юности пережил страстное увлечение молодым генералом, затем с 1801 по 1805 г. — острую неприязнь, граничившую с ненавистью, позже достиг некоторого внутреннего примирения с императором, а затем вновь испытал глубокое разочарование. У него были все основания через двадцать лет, вспоминая о 1814 г., написать: "Я пал вместе с Наполеоном" (Т. I3. — С. I3). Примечательно, что во время ста дней он не поспешил из Италии в Париж, но зато через четверть века компенсировал себя, отправив на помощь Наполеону из Италии героя "Пармской обители" Фабрицио дель Донго, глазами которого увидел битву при Ватерлоо. Примечательно, что в конце жизни, подводя итог, он признается: "Любовь к Наполеону — единственная страсть, сохранившаяся во мне" (Т. II. — С. I99).

Как ниже отмечалось, сам Стендаль вряд ли связывал свою книгу с идеей мифотворчества. Хотя именно в это время Шеллинг в "Философии искусства", предсказав, что человечеству предстоит создание новых мифов, в которых на функции мифолегмы будут использоваться культурные имена, начинает разрабатывать теорию неомифологизма, практически создатели наполеоновского мифа в то время не ощущали себя причастными к этому процессу.

Как часто бывает, оценки современника и историка не совпадают, мы разрешаем себе внести в анализ памятника XIX в. критерии неомифологизма XX в. "Жизнь Наполеона" — удобный материал для изучения механизмов создания апологетического мифа и структуры характера главного героя. Важно то, что многие события, отраженные в книге, были пережиты самим Стендалем и нашли отражение в его "Дневниках". Сопоставительный анализ текста "Дневников" и "Жизни Наполеона" весьма конструктивен для раскрытия специфики апологетического мифа, он дает наглядное представление, как в биографии, претендующей на объективность и точность, отбираются, подсвечиваются и комментируются точные и малодостоверные факты.

Задача настоящей работы — раскрыть особенности построения характера в литературном мифе XIX в. Создавая образ исключительной личности, Стендаль использует приемы романтиков. Уже экспозиция образа, характеристика юного Бонапарта, ученика бриеннского колледжа, выполнена в романтическом ключе: "Эти годы он провел в одиночестве, в угрюмом молчании; он никогда не принимал участия в играх товарищей, никогда не заговаривал с ними" (Т. II. — С. 9). Отбор эпитетов, к которым Стендаль, в соответствии со своей теорией стиля, бывает,

как правило, очень строг, в данном случае взят из арсенала романтиков: "Мечтательный, молчаливый, необщительный, он был известен среди них своей страстью подражать манерам и даже речам великих людей древности. В частности, он старался, подобно лакедемонянам, облекать свои мысли в краткую и наставительную форму" (Т. II. - С. 9). Заметим, что в книге Стендаля черты романтизма и реализма переплавлены в соответствии с его пониманием "истинного романтизма", все - на грани, ничто не дается в чистом виде, поэтому искать проявление одного какого-нибудь метода было бы ошибкой. Последнее замечание Стендаля о стремлении юного Бонапарта научиться подражать древним, если его понимать как подготовку к игре на собственный миф, меньше всего отвечает духу романтиков.

И все-таки в "Жизни Наполеона" молодость героя изображается преимущественно в романтическом ключе. Эти характеристики не составляют контраста с оценками Стендаля конца XVIII в. Сравнить с "Дневниками" мы не можем, он начал вести дневник в 1801 г., но более поздние воспоминания о молодом генерале вполне соответствуют апологетической интонации книги: "... в 1797 году его еще можно было любить страстно и беззаветно: он еще не похитил у своей страны свободу" (Т. II. - С. 200). Как раз 18 брюмера семнадцатилетний провинциал Анри Бейль впервые въезжал в Париж. Позднее он признается, что позиция его была весьма примитивна: "... я мало что понял в них (событиях переворота - Л.В.) и был восхищен тем, что молодой генерал Бонапарт сделался королем Франции" (Т. I3. - С. 244). Но при первых проявлениях деспотизма Наполеона политическое воспитание Стендаля пойдет стремительными темпами и к моменту заключения Бонапартом конкордата с папой Пием УП в 1801 г. он сможет оценить этот союз весьма пронизательно. Тогда-то он и почувствует настоятельную потребность вести дневник. С этого момента появляется возможность проследить разрыв "Дневников" с книгой в отборе фактов, их трактовке и интерпретации.

Было бы неправомерно утверждать, что "Жизнь Наполеона" насквозь панегирична, в ней много критических замечаний в адрес Бонапарта, но доминирующая интонация - апологетическая. А для этого ему приходится многое смягчать, препарировать, возлагать ответственность за многое на Фуше и Талейрана, непроверенные факты подавать как достоверные. Например, до сих пор нет безусловных доказательств, что Наполеон посещал на Яйфе чумной госпиталь, возможно, это одна из ле-

генд. Стендаль пишет об этом факте, как об абсолютно достоверном: "Он сделал то, чего ни один полководец до него не делал: посетил лазареты, где лежали чумные больные ..." (Т. II. - С. 26).

Метод смягчения повсеместен. Например, побег Бонапарта из Египта, когда он бросил на произвол судьбы армию, - лишь "легкомыслие", гибель в крепости английского офицера - результат простой "забывчивости" Наполеона, казнь герцога Энгийенского комментируется с нарочитой двусмысленностью, мол, замешан в заговоре был, но доказательств тому представлено не было. Примечательно, что много места в книге предоставлено самому Наполеону, его комментариям событий. Через двадцать лет, принявшись писать "Воспоминания о Наполеоне", в предисловии Стендаль на первой странице поспешит заметить: "Будучи монархом, Наполеон часто лгал в своих писаниях" (Т. II. - С. 196). Нельзя допустить и мысли, что умнейший человек тридцатипятилетний Стендаль в 1818 г. об этом не догадывался, но для создания апологетического мифа надо было согласиться считать его свидетельства достоверными. Так что чтение книги предполагает постоянную запрограммированность на "поправки".

Но и чтение "Дневников" нуждается в "поправках". Будучи осведомленным о мощи тайной полиции Фуше, Стендаль склонен к осторожности, часто прибегает к разным формам "эзопова языка", называет себя вымышленными именами (Доминик, Менье и др.) и составляет для себя регистр запрещенных тем: "Из осторожности я не пишу ничего: а) о военных событиях, б) политических отношениях с Германией, в) об отношениях Доминика с величайшим из людей (Наполеоном - Л.В.)" (Т. I4. - С. 283).

Можно было бы привести много оценок политических актов Наполеона Стендалем, вообще-то ему несвойственных. Например, о закрытии 150 газет: "Наполеон, осуществлявший тиранию, поступил правильно, наложив на печать оковы" (Т. II. - С. 59).

В апологетическом ключе дается главная тема книги - война, сорок выдающихся сражений, причем Стендаль старается уверить читателей, что Наполеон в них был мало повинен: "Наполеон вел множество войн, в которых были пролиты потоки крови, но за исключением испанской войны он не был зачинщиком ни одной из них" (Т. II. - С. 200).

В "Дневниках" позиция Стендаля противоположна, он подвергает насмешкам всеобщее преклонение перед "муңдиром", и хотя военная тема включена в "запретные", не упускает случая

замаскировано ее высмеять: "Нельзя ли написать пьесу под названием "Солдатомания" или "Мания военщины"?" (Т. I4. - С. 9).

Наиболее наглядно предстает разница в трактовке исторических фактов на страницах "Дневников" и "Жизни Наполеона" в изображении таких решающих событий 1804 г., как заговор генерала Моро и коронации. Известно, что Стендаль относился сочувственно к республиканскому заговору Моро, его друг Мент почти завлек его в заговор. Писать об этом прямо в "Дневниках" он не мог, но косвенно намекнуть можно, и вот он оставляет запись о намерении написать трагедию в духе Шекспира "Восшествие Бонапарта на престол или заговор Моро". В "Жизни Наполеона" Стендаль уделяет этому, столь важному для него событию, минимальное внимание. Он как бы пытается дать совет Наполеону (чем часто занимается в книге) и найти за Бонапарта правильную линию поведения: "Что касается Моро, то этому генералу надо было дать какой-нибудь пост, поставив его в такие условия, в которых бы обнаружилась вся его неспособность" (Т. II. - С. 60).

Об акте коронации в книге также говорится мельком как "о величайшем из его честолюбивых замыслов" (Т. II. - С. 47). В "Дневниках" же, хотя это и крайне спасная тема, о ней говорится гораздо откровеннее. Прежде всего он спешит запечатлеть сцену коронации: "Мы отлично видели Бонапарта: он ехал на прекрасном белом коне, в красивом новом мундире, в обычной треуголке, в форме полковника с аксельбантами. Он все время раскланивался и улыбался. Улыбка театральная, при которой сверкают зубы, а глаза не улыбаются: улыбка Пикара" (Т. I4. - С. 52). Несколькоими штрихами, не выходя за пределы допустимого, он рисует реакцию парижан: "На пути его раздавались крики: "Да здравствует император!", но очень слабые, и еще слабее: "Да здравствует императрица!" (там же, с. 52).

Как будто между прочим, не вдаваясь в разъяснения, вносит он в "Дневники" запись о нетривиальной реакции парижан в эти дни на постановку "Цинны" Корнеля: "Пожалуй, никогда еще на "Цинне" не было столь внимательных зрителей ... аплодировали также и этим стихам:

Не меньше император
Враждебен нам, чем царь; он тот же узурпатор.
(Т. I4.-С.60)

В "Жизни Наполеона", создавая романтически приподнятый характер, Стендаль восхваляет прямогу Наполеона: "Он очаровыв-

вал своей прямою и добродушием" (Т. II. - С. II0), восхищается его выносливостью, личным мужеством, заботой о простых солдатах, спорит с "клеветниками", утверждавшими, что Бонапарт якобы "презирал людей" (Т. II. - С. 78). В "Дневниках" создается совсем другой образ. Осторожно, прикрываясь чужим именем, Стендаль передает свое нарастающее разочарование: "Менье начинает разочаровываться в Бонапарте и понимать, что его торжество большое несчастье. Менье начинает отрезвляться и бояться Бонапарта" (Т. I4. - С. 215), - записывает он 2 марта 1806 г.

Если в "Жизни Наполеона" Стендаль считает себя обязанным защищать узника Св. Елены от клеветников, то в "Дневниках" он занимает иную позицию и даже примеряет к себе роль Тацита по отношению к Бонапарту. В январе 1805 г. он заносит в дневник анекдот о встрече Наполеона в 1801 г. с просветителем Вольнеем. Готовясь вернуть Францию в лоно Церкви, Наполеон захотел заручиться поддержкой просвещенных людей, пожелал разыграть из себя либерала и пригласил будто бы для совета к себе известного ориентолога и писателя Вольнея. Тот, не поняв "правил игры", ответил насмешливой шуткой. "Тут Бонапарт пришел в неопишемую ярость, призвал слуг, велел вытолкать Вольнея вон, говорят, даже пнул его несколько раз ногой и запретил впредь являться к себе ... Если это правда, вот материал для будущего Тацита" (Т. I4. - С. 95). Внутренне готовя себя к роли Тацита при Наполеоне, Стендаль не раз будет возвращаться к мысли о необходимости честных мемуаров и свидетельств современников, которые часто становятся единственной уздой для деспотов: "Тираны, зная, что наиболее тайные их деяния станут известны потомству, будут позволять себе меньше дерзостей" (Т. I4. - С. 201).

Итак, структура образа главного героя литературной биографии, включающей элементы апологетического мифа, подчинена задаче восхваления и гиперболизации и определяется переплетением факта и легенды, достоверного и недостоверного, объективного и субъективного.

Л и т е р а т у р а

^I Стендаль, Собрание сочинений в 15 томах. - М., 1959. - Т. II. - С. 5. (Далее цитируется по этому изданию. Номера страниц указываются в тексте).

LA STRUCTURE DE L'IMAGE DU MYTHE LITTÉRAIRE
DU XIX-ÈME SIÈCLE
("VIE DE NAPOLEON" DE STENDHAL)

L. Volpert

R é s u m é

L'auteur envisage "Vie de Napoléon" de Stendhal comme la variante du mythe apologétique du XIX-ème siècle, ce qu'en n'a fait dans la science stendhalienne. La comparaison du texte de ce livre avec celui des "Journaux" de Stendhal permet de découvrir les mécanismes de la création du caractère principal du mythe littéraire. La structure de l'image est déterminée par la tâche spécifique de glorification et d'hyperbolisation du héros du nouveau mythe apologétique.